

УДК 2-78+323.215

**ПАМЯТЬ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ
КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС: ОСОБЕННОСТИ
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В РЕЛИГИОЗНОМ СООБЩЕСТВЕ**

Аникин Д.А.

Статья посвящена анализу религиозных сообществ в качестве субъектов символической политики и политики памяти. На примере использования памяти о Великой Отечественной войне религиозными сообществами в современной России автор говорит о конкуренции за присвоение ограниченных символических ресурсов. Эта конкуренция приводит к символическому перекодированию военного прошлого, закрепляемому в формировании новых смысловых моделей и мемориальных практик, отсылающих к дореволюционным образцам. Показательным примером реконструкций дореволюционных мемориальных практик становится строительство Главного храма Вооруженных сил России.

Ключевые слова: коллективная память, религиозное сообщество, символический ресурс, мемориальная практика, Великая Отечественная война.

**COMMEMORATION OF THE GREAT PATRIOTIC WAR
AS A SYMBOLIC RESOURCE: PECULIARITIES OF FUNCTIONING
IN THE RELIGIOUS COMMUNITY**

Anikin D.A.

The article analyses religious communities as subjects of symbolic and memory policies. The author talks about the competition for acquisition of limited symbolic resources using the example of exploitation of the Great Patriotic War commemoration by different religious communities in modern Russia. This competition leads to the symbolic transcoding of the military past, anchored in the formation of new sense models and memorial practices referring to pre-revolutionary patterns. A significant example of the pre-revolutionary memorial practices' reconstruction is the building of the Main Cathedral of the Russian Armed Forces.

Keywords: collective memory, religious community, symbolic resource, memorial practice, the Great Patriotic War.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-311-00212 «Коллективная память религиозных сообществ в постсекулярном мире: формы идентичности и социальные практики».

Указом Президента России 2020 год был объявлен Годом памяти и славы «в целях сохранения исторической памяти и в ознаменование 75-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [8]. Этот официальный статус в очередной раз подтвердил важность памяти о войне в современном российском обществе. Это автоматически означает, что данная память перестает быть личным делом конкретного гражданина, помнящего об участии его предков в Великой Отечественной войне, а подвергается символической экстерииоризации, переводящей ее в ранг социально и политически значимого ресурса.

Вместе с тем, по мнению П. Бурдые, логика функционирования символически ресурсов предполагает экономические алгоритмы конкуренции и присвоения, когда политические акторы стремятся либо продемонстрировать свою причастность к данным ресурсам, либо использовать их для легитимации собственной позиции в политическом пространстве. Такой символический капитал, несмотря на свою нематериальность, обладает всеми свойствами капитала экономического, прежде всего, потому, что предполагает конвертируемость во вполне материальные блага. Как формулирует сам Бурдые, «в стороне от поиска «экономической» прибыли... остается место для накопления символического капитала, как отрицаемого экономического или политического капитала, неузнанного и признанного, а потому легитимного "кредита", способного при определенных условиях и всегда в свой срок гарантировать «экономические» выгоды» [2, с. 178].

Иначе говоря, наиболее действенной стратегией эксплуатации символических ресурсов является отрицание. Актор, отрицающий возможность утилитарного использования подобных ресурсов, парадоксальным образом, увеличивает их ценность и возможность конвертируемости в другие виды ресурсов, в том числе, и вполне материальные. Указанная логика свойственна всем социальным акторам, имеющим дело с символическими ресурсами, поэтому неудивительно, что приобретение подобного статуса памятью о Великой Отечественной войне делает вполне естественным стремление приобрести символический капитал за счет отрицания любой экономической или политической заинтересованности в этой памяти.

В условиях современного общества существенной характеристикой является его плюрализм, а именно – наличие большого количества акторов, претендующих на участие в распределении символических ресурсов и готовых конкурировать за ограниченные ресурсы. Разумеется, наиболее значимым из таких акторов остается государство, инструментом которого являются образовательные практики поддержания национальной идентичности и формирования определенной совокупности образов прошлого. Но, наряду с государством, можно констатировать появление и других акторов, участие которых в распределении символического капитала может казаться не очень значимым в настоящий момент, но обладающим определенными перспективами в будущем.

Одним из видов таких акторов являются религиозные сообщества, которые достаточно активно начинают не только создавать свои версии прошлого, но и формировать определенные мемориальные практики, рассчитанные на популяризацию данных образов. М. Ларюэль справедливо констатирует, что в определенных ситуациях, например, применительно к столетней годовщине революции 1917 года, религиозные сообщества способны занять гораздо более внятную и артикулированную позицию, нежели государство [4, с. 13-38]. В каком-то смысле это выгодно государственным акторам, поскольку позволяет заявить консервативную трактовку прошлого,

напрямую не ассоциируясь с ней и не создавая оснований для дополнительных социальных расколов. Но логичным следствием формирования подобной позиции религиозных сообществ становится возможность интерпретации и присвоения определенных образов прошлого, их использование для легитимации современного статуса этих сообществ.

Сам термин «сообщество» представляется более адекватным для описания современной социальной ситуации, поскольку использование понятия «институт» приводит к гомогенному восприятию социального пространства, в котором присутствует четкая сегментация и определение действующих акторов. В реальности же можно видеть как раз размывание границ, когда даже в рамках одной религиозной конфессии присутствуют различные группы верующих, отличающихся по своему внутреннему статусу, ценностным и мировоззренческим установкам. П. Бурдые подтверждает это мнение следующей фразой: «В основе динамики религиозного поля и, соответственно, изменений в религиозной идеологии, лежат отношения сделки, устанавливающиеся между специалистами и мирянами на базе различных интересов, а также отношения конкуренции, противопоставляющие различных специалистов внутри поля религии» [2, с. 33]. Из этого следует, что само изучение религиозного поля как сегмента социального пространства должно исходить из презумпции внутреннего многообразия тех групп, которые создают структуру религиозного поля.

Применительно к проблеме использования коллективной памяти в качестве символического ресурса, можно сделать вывод, что обращение к какому-либо историческому событию, обладающему символической значимостью для подавляющего большинства населения (в данном случае – к Великой Отечественной войне) еще не означает абсолютного совпадения стратегий символического присвоения. Нельзя даже гарантировать, что распространение этих стратегий имеет иерархическую структуру, то есть распространяется от профессионального сообщества священнослужителей на остальную паству. В реальности имеет место более гибкая система

взаимоотношений, когда профессиональное сообщество и сообщество верующих вынуждены ориентироваться на взаимное принятие, что напрямую связано с тенденциями индивидуализации и религиозной миграции, проанализированными Д. Эрвье-Леже [9, с. 257-258].

Тем не менее, нельзя игнорировать тот факт, что, несмотря на существенные разночтения в трактовке образов прошлого между различными религиозными сообществами и их стремления к символическому перекодированию коллективной памяти, присутствует механизм идентификации данных сообществ с определенными религиозными институтами. Возникает парадоксальная ситуация – каждое из таких сообществ может преследовать собственные цели, которые можно даже назвать политическими, но будет позиционировать их в качестве целей той институции, с которой себя данное сообщество отождествляет. Символические разногласия с другими сообществами, претендующими на выражение интересов той же институции, будут маркироваться специфически религиозными способами, как еретические или вероотступнические. Что же касается самой религиозной институции, от имени которой выстраивают мемориальный дискурс отдельные сообщества, то она будет вынуждена занимать примиренческую позицию, в силу собственной заинтересованности в максимальном сохранении и увеличении своих прихожан

Главным институциональным актором в религиозной политике памяти о войне является Русская Православная церковь (РПЦ), что объясняется как особым положением данной организации в российской общественно-политической системе, так устойчивой традицией воинских коммемораций, восходящей к временам формирования символической политики в имперской России. В этом смысле можно констатировать, что РПЦ стремится воспользоваться уже имеющимися алгоритмами выстраивания религиозных мемориальных практик, естественно, делая поправку на специфику современных условий. Как отмечают современные исследователи, «общее усиление роли РПЦ в общественных процессах в 2000-е годы не могло не

сказаться на усилении ее статуса как актора политики памяти. В 1990-е годы РПЦ как и другие организации в России достаточно пассивно проявляла себя в российском коммеморативном пространстве. Ее деятельность во многом была связана с восстановлением храмов, организацией религиозных праздников, попытками популяризации религиозного образа жизни» [1].

В 2000-е годы усиление присутствия РПЦ в качестве актора политики памяти следует связать с двумя основными факторами. Во-первых, оказывается исчерпанным тренд на восстановление дореволюционного наследия, что заставляет искать новые траектории символической репрезентации в культурном и политическом пространстве. Во-вторых, на смену реформистским 90-м приходят реакционные 2000-е, когда политический дискурс чутко улавливает потребность общества в стабильности и социальной защищенности, символом чего становится Советский Союз эпохи «застоя». Вместе с усилением ностальгии по советскому времени происходит актуализация тех символических образов, которые определяли специфику той эпохи, в том числе и подчеркнутая сосредоточенность на памяти о Великой Отечественной войне. Н.Е. Копосов вполне справедливо считает, что для «брежневского» Союза актуализация этой памяти объяснялась вполне прикладными причинами, а именно – торможением экономического развития и постепенным развенчанием образов будущего, что и приводило к символической переориентации в сторону героического прошлого [3, с. 102-105]. К общим социально-политическим тенденциям добавлялся и немаловажный личностный аспект. В отличие от предыдущего советского руководителя, Л.И. Брежнев вполне мог считаться полноправным участником военных действий, поэтому актуализация памяти о войне обеспечивала дополнительную легитимацию и его образу.

Естественно, что усиление советских образов прошлого в структуре общенациональной политики памяти сделало насущной смену тенденций. Вместо отказа от советского наследия или критического отношения к отдельным проявлениям советскости (например, антирелигиозные кампании),

доминирующим в религиозной среде становится стремление к символическому перекодированию советского прошлого и, следовательно, к формированию специфически религиозного видения Великой Отечественной войны.

Юбилейная годовщина Великой Отечественной войны в 2020 году уже заранее вызвала всплеск интереса к ней со стороны религиозных сообществ, прежде всего, в силу того, что символический потенциал этой даты вряд ли будет повторен в ближайшие годы. Кроме того, на протяжении 2000-х годов можно наблюдать усиление роли памяти о войне в контексте выстраивания общероссийских трендов политики памяти, что можно продемонстрировать на примере переключения в государственный регистр даже общественных инициатив, связанных с войной (например, движение «Бессмертный полк»). В данной ситуации стремление религиозных сообществ включиться в актуальную символическую повестку выглядит вполне закономерным, но тем любопытнее проанализировать, какие именно мемориальные практики оказались использованы Русской Православной Церковью для закрепления своего статуса в качестве актора памяти о войне.

В первую очередь, речь идет о формировании специфически религиозного дискурса о войне, предлагающего спектр вариантов объяснения ее причин и значения в контексте православного восприятия перипетий российской истории.

1. Война как столкновение добра со злом. При такой трактовке, которая является наиболее общепринятой и встречается в выступлениях Патриарха Кирилла возникает эффект отождествления патриотизма и православной веры: «Великая Отечественная война была войной со злом, так же включенным в человеческую жизнь, так же захватившим умы и сердца людей, так же приведшим к жертвам и трагедиям. И то, что народ наш горячо молился святому великомученику Георгию, было неслучайно. Неслучайно, что гвардейские ленточки даже советской армии – это ленточки ордена святого великомученика Георгия Победоносца, потому что глубоко утвердилось в сознании людей, что святой великомученик Георгий есть победитель –

победитель зла в человеческой истории» [6]. Показательной является и фигура умолчания – вместо конкретных политических субъектов (Германии и Советского Союза) религиозный дискурс прибегает к эвфемизмам: народ против врага, наша страна против зла, Отечество против неприятеля и т.д.

2. Война как следствие совершенных грехов. Такой вариант дискурса содержит отчетливо выраженный антисоветский подтекст, который хорошо проявился в словах архимандрита Кирилла (Павлова): «Эта великая страшная Отечественная война, конечно, явилась следствием попущения Божия за наше отступление от Бога, за наше моральное, нравственное нарушение закона Божия и за то, что попытались в России вообще покончить с религией, с верой, с Церковью» [10]. Война в этом случае становится не только испытанием веры, но и парадоксальным образом, благом, поскольку только это испытание сподвигает народ к возрождению веры.

3. Война как проявление Божественного чуда. Такая трактовка позволяет соединить память о войне с представлением об особой миссии русского народа, подобно тому, как только избранные становятся свидетелями чудес. Об этом говорит Патриарх Кирилл: «Господь совершает чудеса, как Он совершил чудо избавления Москвы, как Он совершил чудо спасения страны нашей и всей Европы. И знамение этого чуда явилось окончание военных действий в день праздника святого великомученика и Победоносца Георгия по нашему церковному юлианскому календарю. Это тоже было знаком того, что особая роль была у страны и народа нашего в той великой священной Победе» [7].

Говоря об увековечивании памяти о войне в мемориальных сооружениях, следует обратить внимание на строительство Главного храма Вооруженных сил РФ (ВС РФ), которое ведется в парке «Патриот» в непосредственной близости от Москвы. В самом факте строительство подобного храма, заложенного в ознаменование 75-летней годовщины Победы, можно увидеть отголосок древней христианской традиции, наиболее ярким воплощением которой в императорской России стало возведение храма Христа Спасителя в честь победы в Отечественной войне 1812 года.

Характерным признаком Главного храма ВС РФ является наглядная символика, которая дополнительно призвана продемонстрировать отношение культового здания к Великой Отечественной войне. Например, диаметр барабана главного купола составит 19,45 метра (год окончания войны), а высота малого купола – 14,18 метра (количество дней войны), высота же звонницы – 75 метров, как символ 75-летей годовщины со дня Победы [5].

Отдельным аспектом, отсылающим уже не к самой войне, а к десекуляризации российского общества в 90-е годы XX века, являются боковые приделы храма, посвященные тем святым, которые были выбраны родами войск вооруженных сил РФ в качестве небесных покровителей: святой Илия Пророк – покровитель ВДВ и ВКС; святой Апостол Андрей Первозванный – покровитель ВМФ; святая великомученица Варвара – покровительница РВСН; святой Александр Невский – покровитель сухопутных войск.

В итоге, следует отметить, что обращение религиозных сообществ к памяти о Великой Отечественной войне может рассматриваться не столько в методологическом аспекте (как раскрытие и увековечивание неизвестных страниц отечественной истории), сколько в социально-философском и религиоведческом аспектах. Прежде всего, как свидетельство процессов распределения и перераспределения символических ресурсов в современном российском обществе. Ограниченность подобных ресурсов и ориентация общества на поиск моделей поведения в прошлом, а не в будущем, делает распространение подобных практик закономерным фактором трансформации как самих религиозных сообществ, так и символического ландшафта общества в целом.

Список литературы:

1. Батищев Р.Ю., Беляев Е.В., Линченко А.А. Русская Православная Церковь как актор современной политики памяти: дискурс канонизации [Электронный ресурс] // *Studia Humanitatis*. 2018. № 1. URL: <http://st-hum.ru/node/649> (дата обращения: 18.03.2020).

2. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. 576 с.
3. Копосов Н.Е. Память строго режима. История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 368 с.
4. Ларюэль М. Столетие 1917 в России: Двойственная историческая политика государства и захват исторического рынка церковью // Историческая экспертиза. 2019. № 1. С. 13-38.
5. Построим храм вместе! [Электронный ресурс] // Главный храм Вооруженных сил Российской Федерации. 2020 [сайт]. URL: <https://hram.mil.ru> (дата обращения: 18.03.2020).
6. Слово Святейшего Патриарха Кирилла в Свято-Георгиевском храме на Поклонной горе в день памяти святого великомученика Георгия Победоносца [Электронный ресурс] // Patriarchia.ru [сайт]. 06.05.20212. URL: <https://goo.su/2Hfa> (дата обращения: 18.03.2020).
7. Слово Святейшего Патриарха Кирилла после Божественной литургии в Свято-Георгиевском храме на Поклонной горе [Электронный ресурс] // Patriarchia.ru [сайт]. 06.05.2010. URL: <https://goo.su/2HfA> (дата обращения: 18.03.2020).
8. Указ Президента Российской Федерации от 08.07.2019 № 327 «О проведении в Российской Федерации Года памяти и славы» [Электронный ресурс] // Президент России [сайт]. 08.07.2019. URL: <https://goo.su/2HFa> (дата обращения: 18.03.2020).
9. Эрвье-Леже Д. В поисках определенности: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. №1. С. 254-268.
10. «Я шел с Евангелием и не боялся...». Воспоминания архимандрита Кирилла (Павлова) о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // Свято-Троицкая Сергиева Лавра [сайт]. 09.05.2019. URL: <https://goo.su/2hfb> (дата обращения: 18.03.2020).

Сведения об авторе:

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической и социальной философии Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

Data about the author

Anikin Daniil Aleksandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of Theoretical and Social Philosophy Department, National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia).

E-mail: dandee@list.ru.